

забайкальского казачества: *детинец* ‘казак, которого не взяли на службу по состоянию здоровья’; *формить*, устар. ‘снаряжать казака на службу вместе с обмундированием и конем’; *пантавать* ‘обрабатывать молодые рога оленя – панты’ и др. Кроме того, право на фиксацию в словаре получили отдельные лексемы, оказавшиеся на тропе забвения. В этих случаях составители вынуждены были прибегнуть к вопросам: *какой?*, *какая?* и др., так как имеющиеся у них материалы не позволяли точно дифференцировать семантику этих словарных единиц. Но вряд ли можно было допустить, чтобы они исчезли из памяти народа навсегда: *закаблан* ‘старинный танец (какой?)’; *попаранки* ‘невысокая трава желтого цвета (какая?)’; *баскан-трава* ‘лекарственное растение (какое?)’; *костерь* ‘мука (из чего?)’.

Во втором издании словаря увеличен объем справочных материалов из рукописной **Словарной картотеки** дальневосточного краеведа Г.С. Новикова-Даурского (амурский госархив, фонд 958). Это стало возможным после опубликования картотеки (Благовещенск, 2003. 198 с.).

Первые записи сделаны Г.С. Новиковым на Амуре в 1926 г. в бывшей казачьей станице Черняево, а затем с 1931 по 1934 г. в селах по Амуру от Черняево до Благовещенска. Картотека помогает представить своеобразие русского слова на Амуре в начале XX в. и увидеть динамику языка. Ссылка на картотеку в словаре дается в конце словарной статьи, если лексемы в словаре и зафиксированные в картотеке Г.С. Новикова-Даурского полностью совпадают: *истопка* ‘дрова’... Нов.-Даур. В противном случае приводится соответствующая словарная единица из картотеки: *истополь* ‘охапка дров, необходимая для того, чтобы истопить печь’... Нов.-Даур.: *истопля*.

Такова общая характеристика Словаря русских говоров Приамурья, который в своем новом варианте, несомненно, будет востребован. Это истинная картина жизни русского Приамурья. В нем можно многое узнать о Дальневосточном крае. Это труд на века.

Ф.П. Иванова

Голев Н.Д. Морфология современного русского языка: Учебное пособие для студентов в формате «Ноотека». Кемерово, 2006. 208 с.

Морфология была и остается наиболее сложным в теоретическом и методическом аспектах разделом курса современного русского литературного языка. Поэтому каждое новое серьезное методическое произведение по этой дисциплине представляет большой интерес для специалистов и для студентов.

Но на фоне этого почтительного интереса к самому факту создания учебно-методического труда по морфологии современного русского языка рецензируемое учебное пособие обладает рядом свойств, которые делают его чрезвычайно ценным прежде всего в методическом и педагогическом отношении.

Начнем с того, что основной пафос этого произведения – воспитание «лингвистической личности», способной «самостоятельно ставить собствен-

ные цели, самостоятельно добывать знания, соответствующие этим целям» (с. 6)¹.

Главным в связи с этим становится вопрос о том, как автор собирает-ся воспитывать «лингвистическую личность».

И здесь мы обнаруживаем еще одно нововведение – ноосферный подход, который автором реализуется путем введения нового «формата» самостоятельной работы и отчетности студента – ноотеки, о которой подробно будет рассказано ниже. Таким образом, к двум аспектам, которые всегда обнаруживаются в методическом произведении по лингвистике – лингвистическому и методическому, – присоединяется еще один аспект – ноосферный.

Все это обуславливает сложную композицию текста учебного пособия.

Текст состоит из двух разделов, – общего и практического.

В общем разделе представлено описание ноотеки и ее идеологическое обоснование, развернутая система компетенций, формируемых в курсе морфологии, теоретические вопросы, рассматриваемые в курсе, обширный рубрицированный список литературы по предмету, основные схемы морфологического анализа с примерами, а также тематика и планы практических занятий.

Второй раздел, практикум, включает в себя хорошо структурированный сборник практических заданий по курсу морфологии.

Первый раздел можно поделить на две части: первую, включающую в себя пп. I – III, представляющие, так сказать, методологию и организацию ноотеки, и остальные пп. (IV – IX), более традиционные и описывающие основную учебно-методическую информацию.

Особенность методологического раздела заключается в том, что материал в нем располагается ретроспективно: сначала излагается описание технологии ноотеки (п. I), затем ее «идеология» (п. II), и только потом цели. Только в третьем п. первого раздела мы узнаем, что задача данного учебного пособия – организация самостоятельной работы студентов (с. 17).

Коротко остановимся на ноотекке как учебной форме и технологии (п. I.I.). Ощущается некоторая неосвоенность самого термина *ноотека*. Автор понимает ноотеку и как систему текстов, и как своеобразную деятельность. Как система текстов ноотека представляет собой нечто вроде грандиозного гипертекста, система гиперссылок которого позволяет включать в него информацию, подготовленную в качестве отчетной работы студента. Как деятельность ноотека представляет собой серию альтернативных заданий, каждое из которых оценивается определенным количеством рейтинговых баллов. Таким образом, ноотека как форма организации учебного процесса

¹ Такой подход, когда объектом дисциплины оказывается не предмет, а человек, реализован, например, в интересном учебнике по введению в специальность преподавателя русского языка как иностранного (Молчановский В.В., Шипелевич Л. Преподаватель русского языка как иностранного: Введение в специальность. М.: Русский язык. Курсы. 2002. 320 с.). Революционным является уже заголовок этой книги: «Преподаватель русского языка как иностранного», а не «Русский язык как иностранный».

восходит к рейтинговой системе оценивания, но ее технологической базой является гипертекст.

Сразу остановимся на потенциальных преимуществах и недостатках этой системы организации учебного процесса.

Несомненное достоинство – это закладываемая в обучение и отчетность высокая степень самостоятельности студента, которая определяется рейтинговой системой. Кроме того, несомненно и то, что материал, который собирается и систематизируется студентом, особенно на первых порах, когда ноотека представляет собой гипертекст небольшого объема и с несложной иерархией, будет доступен для последующего использования, что повышает мотивацию на выполнение заданий. Третьим несомненным достоинством является то, что в ходе работы по данной технологии студент будет совершенствоваться во владении компьютером и информационными технологиями, в частности, в веб-программировании. Заметим, что автор приводит целых шесть преимуществ этой формы обучения в п. 1.11. своего пособия.

Один из главных недостатков, как мне кажется, лежит как раз в ноосферной плоскости проекта. И заключается он в том, что по мере накопления материала ноотека может выйти из-под контроля «морфологического сообщества». Известно, что сложный и объемный веб-сайт требует администрирования. При этом помимо администратора, обеспечивающего функционирование сайта на программном уровне, необходимы будут и специалисты по контенту. В пособии называется фигура координатора и веб-мастера, но в любом случае возникнут позиции, которые не связаны с морфологическим содержанием, и умения программиста могут для ведения ноотeki оказаться более важными, чем морфологическая образованность. Тогда либо появятся студенты, которые будут получать рейтинговые баллы не за знания морфологии, а за умение обращаться с информационными системами, либо колоссальная нагрузка падет на преподавателей и сотрудников кафедры. Кстати, в разделе 1.1. роли кафедры и преподавателя морфологии в работе ноотeki отводится всего один абзац (с. 14), хотя она должна быть довольно хорошо прописана. Но даже в том случае, если выделятся лица, которые будут заниматься только ноотеккой, постоянно умножающееся содержание может привести к невозможности ее поддерживать.

Второе опасение связано с доступностью электронной формы хранения информации и малым участием сознания обучаемого в работе с информацией, хранящейся в электронной форме. Мой преподавательский опыт показывает: если раньше нерадивые студенты списывали выполненные другими задания, поневоле воспринимая сознанием полезную в профессиональном отношении информацию, то ныне электронная форма позволяет им даже не читать то, что они выдают за свою работу. При разрастании ноотeki возможен такой момент, когда студенты будут в массовом порядке нетворчески использовать чужие материалы для получения оценки. А это значит, что в ноотекке будет возможность проявиться и такой лингвистической личности, кстати, очень типичной для современного состояния филологического образования.

Таким образом, в ноотеке я усматриваю возможность энтропийного момента, средства по предотвращению которого, как мне кажется, в методике не заложены.

В п. 1.1. приведена система заданий, связанных с выполнением ноотеки. Автор выделяет 10 типов заданий, часть из которых ранее не воспринимались как предметные или относились к другим дисциплинам, а именно: «практико-дидактические задания, связанные с подготовкой студента к работе в средней и высшей школе» (с. 12), которые по характеру деятельности относятся к курсу методики русского языка, «метадидактические задания», то есть экспертная оценка работ других студентов, фрагментов учебного процесса и самой системы «Ноотека» (с. 12 – 13), «публичное представление знаний» (с. 13), то есть подготовка презентаций, электронных форм представления морфологического материала, публичные выступления и пр.

Введение некоторых из этих альтернативных типов заданий можно приветствовать, особенно публичные формы, такие как презентации и электронное представление материала. С другой стороны, кажется необходимым ввести ограничения на возможность выполнения студентами метадидактических заданий, например, интеллектуальный ценз или такую форму допуска, как выполнение определенного объема заданий других типов.

Особенность учебного пособия составляет то, что в нем минимизирован теоретический материал, представленный только в виде теоретических вопросов для зачета и экзамена (п. 1.IV). Связано это, мне кажется, с идеологической установкой (основным пафосом) на формирование «лингвистической личности», которая может сама выбирать теоретический подход в морфологии. Тем не менее автор в предисловии явным образом указывает использованный им в лекционной части подход, который он называет имманентноцентрическим и системоцентрическим. Этот подход проявляется во втором, практическом, разделе в том, что в большинстве заданий этого раздела в качестве материала используются изолированные словоформы вне контекста или в минимальном, «диагностическом», контексте.

Пункты 1.VI – 1.VIII содержат универсальные схемы анализа соответственно грамматической категории, части речи, а также лексемы и словоформы. В лингвистическом аспекте обнаруживается комплексность, разноаспектность всех видов анализа, учет коммуникативного и семантического потенциала языковых единиц, при доминировании формально-грамматического аспекта. Каждая схема сопровождается образцом анализа. Отмечу, что немногие студенты смогут выполнить анализ на уровне, хотя бы приближающемся к уровню, предложенному в образцах анализа.

Темы и планы практических занятий (п. 1.IX) показывают, что вопрос о соотношении общетеоретического и описательного компонентов дисциплины решается в пользу общетеоретического содержания: целостному описанию конкретных категорий в курсе отводится 4 часа: 2 часа на категории рода и числа и 2 часа на категории вида и залога.

Раздел 2 (морфологический практикум) интересен не только количеством (кстати сказать, этот раздел по объему в три с половиной раза превышает первый раздел) и разнообразием предлагаемых контрольных заданий, но и подробной их рубрикацией в соответствии с типами умений, формируе-

мых в курсе морфологии и/или необходимых для освоения этой дисциплины. Возможно, было бы полезно более явно связать рубрикацию практических заданий со списком компетенций в п. 1. III, например, в виде использования списка умений в качестве рубрик классификации практических заданий, возможно, даже с сохранением нумерации. Это позволило бы прямо соотносить умения выполнять задания и компетенции.

Большое внимание в практикуме уделено «проблемным» заданиям, требующим самостоятельного решения сложной, хотя и частной теоретической проблемы морфологии (с. 95 – 97).

В заключение хочу отметить, что методическая концепция, предложенная в рецензируемом учебном пособии, еще не доведена до состояния технологии, в ней не определены связи многих процессов друг с другом и функциональные роли участников. Но подход, предложенный автором, интересен и сулит большие перспективы в развитии преподавания не только морфологии, но и других учебных дисциплин.

И.Е. Ким

Душечкина Е.В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. 227 с.

Работа, о которой пойдет речь, кажется мне огромным событием в ономастике. Она выводит ономастику из лингвистической плоскости в пространство национальной культуры в самом широком и одновременно детализированном её толковании. Это покажется не таким удивительным, если знать, что автор книги – профессор Петербургского университета, доктор филологических наук Елена Владимировна Душечкина – много лет работала на одной кафедре с Юрием Михайловичем Лотманом и была под его сильным влиянием. Лотмановская школа исследования культуры как образования, пронизывающего все поры социального бытия – от самых высоких интеллектуальных проявлений до простейших

бытовых привычек и поведенческих реакций, воплощается в трудах Е.В. Душечкиной самым блистательным и подкупающим образом. Я говорю о работах, имея в виду её книги «Русский святочный рассказ: Становление жанра» (1995) и «Русская ёлка: История, мифология, литература» (2002).

Исследовательские сюжеты Елены Владимировны вырастают один из другого, как кораллы, образуя замечательные построения, распространяющиеся из истории литературы в область, которую можно назвать семиотикой повседневности. Из штудий над святочной словесностью вырос, в частности, интерес к имени её самой известной героини – Светланы Жуковского. И исследование такого микроскопического факта культуры, как одно женское